

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Политический и аполитический национализм

В этой заметке будет затронут ряд вопросов, связанных с продолжением дискуссии о национализме. Однако свой тезис об избыточности риторики национализма в текущей российской политической ситуации¹ я, однако, попробую переформулировать иначе — с несколько более общих позиций, а также с учетом некоторых высказанных участниками дискуссии соображений (отмечая расхождения и не останавливаясь специально на согласии в позициях). Схематичная форма изложения продиктована в данном случае попыткой более комплексным образом очертить характер проблемы.

1.1. Набор понятий, с помощью которых мы описывает национальные проблемы, имеет историю, далеко выходящую за пределы ее современной семантики. Игнорирование этой особенности, стирание соответствующих семантических различий, является источником заблуждений при интерпретации проблемы национализма.

1.1.1. Досовременную семантику понятий, использующихся также в современном националистическом лексиконе, можно упорядочить в соответствии с двумя типами отношений: 1) внешний-

¹ В «Заметках о русском национализме» (Логос. 2006. № 2 (53). С. 149–159), все сказанное мной относилось, во-первых, именно к теме русского национализма, во-вторых, именно в контексте *сегодняшнего* политического контекста обсуждения этой темы в России (на этот счет, мне казалось, в тексте было сделано достаточно оговорок). Поэтому заключение Б. Капустина относительно представленной в «Заметках» позиции: «один из обликов, который *ситуативно* принимает национализм, отождествляется с национализмом вообще», — является некорректным: речь шла именно о контекстуально понимаемом национализме. В отношении второго критического замечания ограничусь следующим: любое утверждение нетрудно уличить в том, что оно нечто «цензурирует», поскольку, говоря словами Спинозы, «omnis determinatio est negatio» (всякое определение есть отрицание).

внутренний (т. е. между сообществом и другими сообществами); 2) верх-низ (господствующие и те, над кем господствуют)². Два эти типа отношений (обозначим их как экстернальный и интернальный) имеют политический аспект, связанный с проблемой присвоения и распределения власти. В экстернальном модусе речь идет о притязании на какой-то тип автономии некоторой социальной общности, во втором случае — для очерчивания в пределах этой общности группы, имеющей доступ к участию во власти. Современное использование такого рода понятий в политическом смысле отличается от досовременного в силу того, что экстернальный смысл оформляется в виде *права наций на самоопределение*, а интернальный — в виде *национального суверенитета*, политико-правовым выражением которого является демократический способ легитимации власти. Наибольшая путаница возникает при этом с интернальным семантическим аспектом этих понятий. Само по себе использование понятия «нация» в досовременном политическом языке еще не говорит о наличии в это время национализма в современном смысле слова. В частности, когда Б. Капустин приводит в пример спор между левеллерами и грандами в качестве иллюстрации того, как «абстрактная» идея «народа» становится «конкретно-историческим всеобщим», «современной» политической «нацией», содержание этого спора, с представляемой здесь позиции, все же не является эпизодом истории современного политического национализма³. Речь идет лишь об одном из досовременных эпизодов в истории борьбы за ту или иную форму очерчивания социальной группы, претендующей на право участия в политическом управлении (и, разумеется, обосновывающей это право также и своей способностью заботиться об «общем благе»). То, что вкладывается здесь Б. Капустиным в понятие «нации (более широкое у левеллеров, более узкое у грандов), означает проведение границы между теми, кто может состязаться за власть, и теми, кто исключается из этого процесса. Ровно таким же образом «демос» греческого

² Типология Райнхарта Козеллека.

³ Расхождение в данном вопросе можно выразить и как проблему периодизации: на мой взгляд, общество модерна в том, что касается *политического национализма*, возникает в период Французской революции или позже, тогда как Б. Капустин возводит модерн к более раннему периоду (Английской революции). Конечно, «проблема Гоббса», т. е. проблема самоконституирования политического порядка, является проблемой современного, а не традиционного общества. Но ни Гоббс, ни Локк еще не дают этой проблеме специфической *националистической* формулировки. Даже Кант, который, наблюдая войну во Франции, точно уловил связь внутреннего политического порядка и *внешней* военной угрозы, обходится без концепции национального суверенитета, хотя и формулирует принципиальную для последнего идею *правового* гражданского общества.

полиса противопоставлялся рабам, метекам и чужакам, не совпадая, при этом с «этносом» (под последним понималась родственная по языку и общности происхождения группа, границы которой не совпадали с политическими границами). Греческое выражение «демократия» или римская «республика» также указывают на то, что властью обладает «демос» или «популюс», объем которых, однако, никогда не совпадал с «народом» в современном смысле этого слова. Слова «res publica, res populi» («государство — дело народа») еще не делают Цицерона представителем модерна. Если, таким образом, использовать понятие «нации» лишь как современную лингвистическую форму для обозначения решаемой во всех досовременных обществах проблемы отграничения группы господствующих от группы подвластных, то, на мой взгляд, ускользает качественная специфика современного политического национализма. Любое досовременное политическое образование предполагало проведение в себе самом различия между арифметической суммой своих членов и более или менее обширной группой, имеющей доступ к борьбе за политическую власть. Если первую теперь стали называть «народом», а вторую «нацией», то это представляет интерес как любопытный лингвистический факт, но и не более того.

1.2. Современное политическое значение националистические понятия в своем как экстермальном, так и интернальном аспекте приобретают (формально) вместе с Французской революцией. Фактически — позднее, вместе с действительным, а не только декларативным введением всеобщего избирательного права, распространением «народного» (всеобщего) образования и целым рядом других процессов, в комплексе обозначаемых понятием «модерн». В военно-политической борьбе право нового суверена — нации — на самоопределение могло быть, кроме того, доказано только посредством массовой мобилизации⁴, что имело своей обратной стороной структурно иной — по сравнению с досовременным — тип политической легитимации власти (демократию). Прототип массовой армии возник как результат войн, последовавших за Французской революцией, но все же основным фактором оформления современного политического национализма являются мировые войны XX в. Сталинские «братья и сестры» явля-

⁴ «...в 1793 году на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала делом народа <...> Благодаря участию в войне всего народа на чашах весов оказалось не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше уже не находила себе противовеса, и потому опасность, грозившая противнику, возросла до крайности» (фон Клаузевиц К. О войне: В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 2. С. 408).

ются советской формой выражения этой же демократизирующей тенденции, неизбежной в ходе массовой войны. С этой точки зрения заслуживает внимания следующее суждение Майкла Манна: «Расширение политического гражданства и появление гражданства социального пришлось на период, захвативший все начало XX века. Именно в это время и большей частью в Европе зародились первые настоящие нации-государства. Другие возникли позднее; особенно сильная и внезапная волна этих процессов прокатилась по всем континентам после 1945 года. На сегодняшний день существование даже старейших из таких государств не превысило продолжительности человеческой жизни; в большинстве же своем они куда более юны, а многие еще борются за право родиться»⁵. Поэтому «нация», о которой в своем примере из истории Великобритании говорит Б. Капустин, равно как и «reople», провозглашающие конституцию США, не могут, на мой взгляд, считаться феноменом специфически современным. К этому вопросу я еще раз обращусь ниже (см. § 2.7.1.), рассмотрев некоторые актуальные последствия этой проблемы датировок для современной российской политики.

1.3. Теоретически и практически продуктивно проводить различие между политическими и прочими аспектами проблемы национального. «Нация» в целом не поддается однозначному определению; тем не менее можно отчетливо определить некоторые из ее политических или, точнее, *политико-правовых* функций. Аспекты, связанные с формированием социальных или социально-психологических идентичностей (например, конституирование «мы-групп», о котором пишет в своей реплике О. Кильдюшов⁶) или вопросы исторического генезиса политических наций (на которые обращает внимание С. Сергеев) не относятся к собственно политическим вопросам. Неопределимость понятия нации в целом — во всех ее проявлениях — обрекает на неудачу все попытки дать ей сущностное определение. Это так же невозможно, как дать определение понятию «человек» или исчерпать идентификационный смысл «личности». Как и в последних случаях, открытый, недоопределенный и «субъективный» характер понятия нация или национальной самоидентификации уверенно схватывается на уровне здравого смысла. Однако «объективный», значимый публичный смысл понятия нации как специ-

⁵ Манн М. Нации государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 384.

⁶ Который, замечу, в своей «теоретической» попытке «концептуализации проблем нации и национализма» смог справиться с темой фактически без употребления понятий «нация» и «национализм». Видимо, от внимания автора ускользнуло, что язык современных немецких социальных теоретиков в своих мейнстримных академических проявлениях является денацифицированным продуктом. О пользе денацификации, впрочем, см. ниже, прим. 21.

фического политического феномена современности может получить лишь в форме правового определения – подобно тому как неисчерпаемость «человека» или «личности» вполне сочетается с правовой фиксацией публично значимых аспектов этих понятий (специфическая сложность в понятии нации, однако, заключается в том, что людьми мы являемся по факту рождения, а вот нация не имеет «естественного» происхождения, но должны доказывать его в политической борьбе (Г. Люббе)). Данная параллель продуктивна еще и в том отношении, что позволяет рассмотреть нынешний националистический дискурс в России как своеобразную метаморфозу бесконечных советских и ранних постсоветских дискуссий о том, что такое «личность». Примечательно, что они также фактически игнорировали институционально-правовой аспект этого понятия и так же не могли закончиться сколько-нибудь внятным результатом. А это верный признак того, что сама проблема сформулирована неправильно.

- 1.4. Следуя предложенной семантической типологии, наследующей в качественно новом смысле традиционному экстеральному и интернальному способу употребления соответствующей группы понятий, в современном политическом национализме можно выделить два основных аспекта: внешний и внутренний (эту структуру воспроизводит и М. Ремизов). В первом случае национализм является *одним из способов* образования и признания субъектов международных отношений (суверенных государств). Исторически существует множество субъектов международных отношений, возникших отнюдь не по шаблону провозглашения национального суверенитета. История разнообразней и *случайней*, чем отвлеченная схема, представление о нормальности которой основано лишь на том, что западные страны имели возможность инструментального навязывания его в качестве образца для решения собственных политических задач. В частности, это позволило ликвидировать такие имперские образования как Австро-Венгрия и Османская империя. Этот же шаблон идеально подходил для легитимации политических продуктов распада СССР. Модель национального государства – это идеальная абстракция; границы подавляющего большинства государств никоим образом не повторяют границы этносов, трактуемых как естественный субстрат политических «наций»⁷. И хотя правовой принцип национального самоопределения оформляет в настоящее время международную

⁷ Это, кстати, прекрасно понимал и М. Вебер: «Общие политические судьбы, то есть в первую очередь бои не на жизнь, а на смерть, сплетаются в общности воспоминаний, которые зачастую воздействуют сильнее, чем узы культуры, языка и общности происхождения. Именно они только и дают национальному сознанию последнюю решительную оценку» (*Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922. S. 614. Цит. по Хюбнер К. Нация. М: Канон, 2001. С. 248*).

систему отношений и относится к числу базовых коллективных прав, все же в реальности это результат политического действия, а не права⁸. Современная политическая нация существует в форме политического действия, а не как некое субстанциональное качество.

1.5. Внешний аспект национализма резюмирует, в частности, определение нации, данное М. Вебером: «Если вообще целесообразно квалифицировать национальный дух как некоторое специфическое единство, то оно может быть усмотрено только в стремлении к собственному государству, и тогда следует отдать себе отчет в том, что тем самым связываются воедино достаточно различные по происхождению и форме выражения ощущения общности»⁹.

1.6. Внутренний политический аспект современного национализма выражается понятием национального суверенитета, увязанном, но не сводящимся к внешнему его проявлению. Современный внутренний политический смысл понятия нации состоит в том, что субъектом политического действия являются все граждане самостоятельного государства, т. е. *сувереном является нация равноправных граждан*. Принцип гражданского равенства членов нации был нацелен на снятие дезинтегрирующих различий разного рода (начиная с сословных и религиозных). Понятие политической нации, помимо прочего, предполагает, что речь идет о сообществе, способном определять свою собственную судьбу. Необходимым условием этого — а именно возможности реализации функций управления — является внешне независимое государство, обладающее локальной территорией¹⁰. Внутренняя политическая реальность нации состоит в этой идее самоуправления, которая и получает выражение в политико-правовой форме демократии. В этом состоит смысл *национальной* легитимации политической власти. Почему понятие демократия и универсально-правовым образом понимаемое гражданство является неотъемлемым признаком современной политической нации? Современный национализм рождается как политическое послание, обращенное к народу в целом, а не к «нации» в смысле более или менее широкой

⁸ «То “само”, которое в процессе реализации права на самоопределение самоопределяется, не может быть рассмотрено в качестве бытия, конституированного кем-то. <...> Поэтому ответ на вопрос “что такое народ?” находится — и это с характером правовой обязательности — вне компетенций третьих инстанций, а факт существования народа является результатом не когнитивных операций, а политического процесса» (Люббе Г. Что такое народ? // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 107).

⁹ Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*. Tübingen, 1924. С. Цит. по Хюбнер К. *Нация*. М.: Канон, 2001. С. 249.

¹⁰ Ср. Хабермас Ю. *Постнациональная констелляция и будущее демократии* // Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 276.

привилегированный группы (что характерно именно для до-современного понятия «нации»¹¹). Демократия, которую считали худшей или одной из наихудших форм правления политические теоретики от Платона до Канта, именно потому и востребована современным государством, что она дает выражение современному политическому понятию нации в ее внутреннем аспекте (тем самым еще ничего не сказано о самой форме демократии¹²). Однако фиксировать это равенство (если, конечно, не анализировать форму носа и не требовать перекреститься тремя перстами при входе на избирательный участок) могут лишь всеобщие правовые определения, сводящиеся к понятию гражданства, а не этнической идентификации или самоидентификации (акцент на последних подменяет объективные проблемы института гражданства некими туманными интуициями о его субъективных предпосылках). О том, насколько подвижной является этническая самоидентификация, дает представление необычайно интенсивное сокращение числа русских в постсоветской Украине¹³. Даже с поправкой на возможные подтасовки несомненным остается произошедший там быстрый и масштабный процесс смены самоидентификации с русской на украинскую.

1.7. В обозначенной перспективе *политическую правду* нынешнего националистического дискурса в России можно принять, на мой взгляд, лишь рассматривая его как превращенную форму критики отсутствия демократической формы политической жизни. Печальная коннотативная участь понятия «демократия» в постсоветской России до известной степени объясняет мотивы такого превращения там, где эти мотивы серьезны.

1.8. Идентичность, формируемая внешним и внутренним аспектом политического национализма, отличается от культурных, социокультурных, социально-психологических и т. д. аспектов национальной идентичности. Став гражданином другой страны, «соотечественник» становится политическим агентом другой политической нации, даже если сохраняет все атрибуты культурно, социально или натуралистически трактуемой идентичности. В пределе этот факт

¹¹ Сейчас же — для государств, полагающих свой суверенитет гарантированным внешним образом (проблема «неграждан» Латвии и Эстонии).

¹² Если речь идет о диспропорциях этнической репрезентированности, которые могут служить источником дискриминации (а этот аргумент, безусловно, заслуживает внимания), то вопрос может быть поставлен и решен как вопрос отладки механизмов *демократической репрезентации*. Правда, такого рода вопросы не могут обсуждаться в парламенте, который, пользуясь выражением Б. Грызлова, «не место для дискуссии».

¹³ См. Малахова К. Сколько русских в Украине? [<http://antropotok.archipelag.ru/text/al92.htm>]

может быть установлен строго эмпирически — через прицел на поле сражения. К выборам в РФ иностранцы не допускаются, даже если они — русские.

1.9. Нормально проводить различие между государствообразующей нацией¹⁴ и культурными субнациями (термин Курта Хюбнера). Однако государствообразующая нация в том случае, если она претендует на то, чтобы формировать государство, включающее в себя субнации, также должна проводить различие между исторически учреждаемой ей политической культурой политической нации и собственной экстраполитической культурой (идентифицироваться с которой, в частности, могут относящие себя к русским граждане других государств, не вступая тем самым в конфликт со своей гражданской лояльностью). Если в нашем случае первое называть «российской нацией», а второе «русским народом», — то это, мне кажется, соответствует сложившемуся словоупотреблению (конституционная формула «многонациональный народ» является, на мой взгляд, *лексически неудачной*). Если вся фишка современного русского национализма состоит в том, чтобы первую называть «русской нацией», то ограничься, по крайней мере, одним замечанием. Речь идет не о словах, а о функциях: называйте, как хотите, но различие между ними проводить придется. Кстати, формальное равноправие государствообразующей нации и культурных субнаций по отношению к универсальной политической культуре нации по факту, конечно, не соблюдается — политическая история неотделима от насилия.

1.10. Государствообразующая нация тем увереннее сохранит свои культурные особенности во всеобщей политической культуре современного национального государства, чем полнее в этой общей политической культуре будет задействован ее *универсальный* культурный потенциал, на основании которого и осуществляется политическая интеграция субнаций в единую политическую нацию¹⁵. В силу того, что современное, национально-суверенное государство «настроено» на правовое государство» (Ю. Хабермас) разумно предположить, что для государствообразующей нации лучше всего подходит роль носителя гражданско-правовой идеи и гаранта ее реализации.

¹⁴ Выражаясь на дореволюционный манер, можно сказать, что речь идет о народе, являющимся носителем государственности. Великороссы подразумевали под этим самодержавие.

¹⁵ О том, что такие ресурсы у русской культуры есть, см. хрестоматийную речь Достоевского. Но использование универсального потенциала национальной культуры, на мой взгляд, не тождественно и даже прямо-таки противоположно приданию универсальной значимости партикулярным (в частности, этническим) интересам, как о том пишет, насколько я понимаю, М. Ремизов.

1.11. Политическая солидарность современного государства не исчерпывается только формальными (конституционными) правами, но требует эмоциональной и символической интеграции, соответствующей современным способам конституирования «воображаемых сообществ»¹⁶. Однако в современном массовом медийном и информационном пространстве интеллектуалы в этой роли неадекватны, а в силу простоты востребованных для этого символов — избыточны. Здесь как нельзя к месту одиозная формула П. А. Ширинского-Шихматова: «Польза сомнительна, а вред возможен». Символы, подпитывающие субъективное самоощущение национальной принадлежности, просты — в этом и заключается их эффективность.

1.12. Политический национализм формирует государство как исходно эгалитарное целое, в пределах которого разворачивается собственно политическая жизнь — борьба *разных* политических позиций. Если же кто-то претендует, так сказать, на национальную исключительность своей политической позиции, то ему всегда можно ответить словами Бисмарка, адресованными либералам на одном из заседаний Рейхстага в 1873 году: «Мы все относимся к народу, и у меня есть такие же народные права, как и у его величества кайзера... Я заявляю протест против монополизации права выступать от имени народа и при этом исключать меня из народа!» «Конкретно всеобщим», если воспользоваться гегельянской формулой Б. Капустина, является не одна из политических программ, выступающих от имени общего национального интереса (пусть даже сколь угодно привлекательная), а все политическое многообразие нации, находящейся в состоянии политического состязания и борьбы. В этом внутривнутриполитическом смысле нация — это среда и условие современной политической жизни, а не некий известный политический результат.

1.13. Существуют такие ситуации для внешней и внутренней судьбы государства, когда борьба разных политических интерпретаций смысла национального блага должна быть временно прекращена, поскольку речь идет о критическом для политической жизни нации положении. Такое право Джон Локк называл *прерогативой* исполнительной власти. Прерогатива, напомню, вытекает из того, что «благо общества требует, чтобы некоторые вещи были предоставлены благоразумию того, кто обладает исполнительной властью». Но она, продолжает Локк, «не

¹⁶ Нации, несомненно, являются воображаемыми сообществами — просто потому, что не даны нам в опыте. Само слово «воображаемый», правда, повергает в трепет неискушенное гуманитарное сознание. Однако в этом отношении нация ничем не отличается от *большинства* наших представлений о мире. Например, львиная доля наших космологических представлений являются воображаемыми: если бы мы опирались на опыт в этом вопросе, то, скорее всего, были бы сторонниками Аристотеля.

может представлять собой что-либо иное, кроме как разрешение со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному свободному выбору, когда закон молчит, а иногда также и поступать вопреки букве закона ради общественного блага; и народ соглашается с этим, когда это сделано»¹⁷. Использование прерогативы, однако, допустимо лишь как исключительное, временное и ограниченное средство, целью которого является нормализация политической жизни.

Специально в отношении современной России ограничимся следующими тезисами:

2.1. Русская нация не имела исторического опыта создания и жизни в рамках европейской модели национального государства. Стремление к созданию такового, выдвигаемое как очевидный политический императив, есть слепое подражание абстрактному образцу. Понятие империи адекватнее учитывает историческую специфику России¹⁸. Оно, правда, оказалось настолько затертым в языке Дугина и Проханова, что без дальнейших оговорок вводит в заблуждение еще больше, чем «национальное государство».

2.2. Русские давно состоялись и как культурная, и как политическая *государствообразующая* нация. Если это кем-то не осознается внутри страны, то можно поинтересоваться об этом за ее пределами. И русское оружие, и русская культура известны и признаны всем миром, но только не некоторыми «русскими националистами». В обратном тезисе я могу усмотреть лишь неуважение к предкам и странную смесь самонадеянности и робости перед своей страной. В качестве эпиграфа к моей первой реплике были не случайно взяты слова Вл. Соловьева: «Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании». На всякий случай напомним их контекст: «Национальный вопрос для многих народов есть вопрос об их существовании. В России такого вопроса быть не может. Тысячелетнюю историческую работою создалась Россия, как единая, независимая и великая держава. Это есть дело сделанное, никакому вопросу не подлежащее». Кстати, в этой связи я с удовольствием поддерживаю тему, предложенную в порядке критики Б. Капустиным: «национализмом» я готов считать, скорее, соблюдение правил дорожного движения, а не рассуждения о том, что их надо сначала сделать «отвечающими интересам русского этноса». Национальная цена вопроса — 300 000 людей, ежегодно гибнущих на российских дорогах. Полагаю также, что любой водитель подтвердит: с точки зрения вопросов солидарности «мы-группы»

¹⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 356, 359.

¹⁸ См. Куренной В. Гражданская империя // Политический журнал. 2005. № 23 (74). [<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=3773&issue=109>].

российские дороги (в отличие, например, от немецких) годны разве что для того, чтобы распалиться ненавистью к соотечественникам. И даже если все российские автомобили украсить хоругвями (помимо распространенных иконостасов внутри салонов) едва ли это решит проблему базисной гражданской солидарности на дорогах.

2.3. Несущим политическим каркасом современной российской государственности считаю ее конституцию. У руководства страны хватает пока благоразумия придерживаться (на момент написания этой статьи) такой же позиции¹⁹. По большинству вопросов политической жизни России лишь конституция представляет собой единственный *стабильный* адресат, к которому можно апеллировать. Только она является, как недавно выразился на одном из семинаров Д. Фурман, нормой непосредственного действия, объясняющей, например, почему в стране все еще проводятся выборы или почему можно публично выражать свою точку зрения. Те, кто провозглашает себя русскими националистами, по большей части разворачивают свой дискурс в антиконституционной плоскости. Реализация содержащихся в нем установок будет означать открытие ящика Пандоры и прекращение существования России как государства, по меньшей мере, в ее нынешней территориальной форме. Таким образом, дискурс «русского национализма» в основных его проявлениях я считаю антинациональным по своему политическому характеру. Вопрос по поводу конституции в настоящее время политически реалистично формулировать не в форме: «А не придумать ли нам что-нибудь получше?» — а в форме: «Как обеспечить функциональность ее ключевых положений?» Мании совершенствования нет предела, но называется она маниловщиной.

2.3.1. Идея «конституционного патриотизма» в российском интеллектуальном сообществе, отличающимся давно диагностированным правовым нигилизмом, равно как и сорочьей падкостью на *эстетически смачное суждение*, не имеет, очевидно, больших шансов на успех в среде культур-предпринимателей. Исторически проблема усугубляется тем, что, признавая конституционную конструкцию в качестве национально-политического фундамента, придется также признать принципиальную роль советского периода: первая конституция России была принята V Всероссийским Съездом Советов 10 июля 1918 года как Конституция РСФСР²⁰. Тем не менее именно конституционная идея представляется мне единственной, отвечающей требованиям политического реализма. Однако в свя-

¹⁹ Хотя кампания в пользу нарушения конституции в своей истеричности уже давно перешла всякие границы.

²⁰ Единственным дореволюционным аналогом являются «Основные государственные законы», принятые в 1906 году во исполнение обещания, данного императором в манифесте 17 октября 1905 г.

зи с «конституционным патриотизмом» в понимании Ю. Хабермаса необходимо сделать ряд существенных оговорок. Во-первых, следует отдавать себе отчет в том, что ситуация Германии и России фундаментально разнятся в отношении причин, которые тем не менее побуждают поставить конституцию в центр национального вопроса. Современная Россия является страной, границы которой *шифре* ее русского этнического контура (что не исключает наличия анклавов русского этноса, существующих и за ее пределами), тогда как Германия даже в своей объединенной форме, напротив, не покрывает множество территорий, которые потенциально могли бы в нее входить по этнокультурным соображениям (полностью решить эту задачу не смог даже Гитлер²¹). Таким образом, по отношению к Германии идея «конституционного патриотизма» выполняет ограничительную функцию²², тогда как применительно к России — ровно противоположную. Во-вторых, конституция не является вдохновляющим эмоциональным символом (особыми народными ликованиями День конституции в России не отличается). Поэтому было бы уместнее говорить о политической идее «конституционной нации» (hardware), тогда как патриотизм, адресующийся к памяти, общности исторической судьбы, эмоциям и т. д., относится, скорее, к культурному (software), а не к собственно политическому аспекту проблемы.

2.4. Здравой национальной политической задачей обозримого будущего можно считать по этой причине реализацию правового порядка в рамках *действующей* конституции российского государства. Речь идет о демократизации политического процесса, нормализации федеративных отношений, реализации декларируемых гражданских свобод и обеспечении условий для выполнения гражданских обязанностей, а также, в частности, о выполнении государством конституционно взятых на себя социальных обязательств. Напомню, что и федерализм, и «социальное государство», о которых сочувственно пишет Б. Капустин, — это конституционные нормы российского государства. Тем самым не сказано, что действующая конституция является идеальной, но лишь то, что ее выполнение — это необходимый минимум.

2.5. Нельзя закрывать глаза на проблемы, связанные с фактами дискриминации этнически русских граждан России — равно как граждан

²¹ Правда, то, чего он не смог добиться силой (объединение немцев в едином политическом пространстве), в конечном счете, возможно, добьется нынешняя Германия, но уже в качестве локомотива создания ЕС. Сама возможность решения этой проблемы, однако, требует использования совершенно денацифицированных правовых и экономических инструментов.

²² См. Хабермас Ю. Границы неисторизма. Беседа с Жаном-Жаком Ферри // Политические работы. С. 140.

любых других этносов. Однако решение этих проблем может состоять в создании условий для реализации правовых норм, а не в этнической дискриминации.²³ Если государствообразующая русская нация настолько не уверена в себе, что не способна принять на себя цивилизационных ограничений, например, в вопросе об отделении государства от церкви, то чем та политическая культура, блюстительницей которой она имеет историческое право себя считать, может претендовать на лидерство в сравнении с разного рода партикуляристскими и в конечном счете дезинтеграционными национализмами? Рискну, однако, предположить, что это не проблема русской нации, а личная проблема некоторых «русских националистов».

2.6. Современная политическая релевантность национализма состоит в идее демократизации политического процесса. Но актуализация русского национализма в том виде, как я ее наблюдаю, ведет, главным образом, к стагнирующей фиксации сформировавшейся в России системы власти в ее складывающейся *деполитизированной* и *антидемократической* форме. Более того, эта система прямо заинтересована в том, чтобы запускать различные «националистические» проекты, «позитивные» эффекты которых в любой момент этой системой могут быть присвоены, а негативные отброшены (путем отнесения их, например, к категории «фашизма»). Напомню, как происходит это присвоение. На протяжении 2005–2006 гг. усилиями, главным образом, центральных телеканалов, на которых постоянно присутствовала тема «преступлений на почве национальной розни» и т. д., был создан благоприятный и, видимо, несколько отличающийся от ожидаемого фон для восприятия конфликта, возникшего осенью 2006 г. в Кондопоге. Резонанс по поводу карельских событий (они стали единственным крупным медийным событием, хотя, конечно, фактически такого рода события

²³ Возьмем простой пример армейского «землячества» (армия — это зеркало общества). Допустим, речь идет о дискриминации солдат по этническому признаку со стороны группы военнослужащих «с Кавказа». Эту проблему можно решать следующими способами: переселить всех ущемленных в штаб, или же создать условия для реализации тех принципов, которые заложены в нормах воинской службы, т. е. реализовав принципы равенства в выполнении соответствующих обязанностей и прав всех военнослужащих (не останавливаясь перед жесткими мерами наказания, предусмотренными за не соблюдение соответствующих норм). Третьим вариантом является создание неустойчивого силового равновесия в самой казарме или же обратное дискриминационное отношение. Первый и третий вариант я считаю провальными (но именно такие варианты, *mutatis mutandis*, обычно и предлагают те, кто аттестует себя в качестве русских националистов). Армия является важнейшим институтом формирования нации, а в особенности же — модернизации поведения субъектов, впервые спустившихся с гор. Если она не решает эту задачу по второму варианту, то она не решает ее вовсе. Потому что даже если устранить «кавказцев», это мало что изменит: «омские» будут таким же образом чморить «краснодарских» (или наоборот).

случаются намного чаще) показал, что в сфере межэтнических отношений существует ресурс политической привлекательности («мобилизационный» ресурс), который не вполне контролирует система власти. Реакция последовала незамедлительно: президент заявил о проблемах «коренного населения», вслед за этим последовал ряд действий по ужесточению миграционной политики, наконец, Единая Россия объявила о запуске «Русского проекта». Система, таким образом, моментально сняла все «мобилизационные» дивиденды с «русского вопроса». Чтобы схватить существо проявившейся здесь проблемы, следует в самых общих чертах описать характер сложившегося в России политического или, точнее, деполитизированного административного строя. По сути, он представляет собой структуру, в которой властные отношения замкнуты на аппарат исполнительной (административной) власти, которая решает задачи управления, а не исполнения. Более уместно говорить здесь даже не о прерогативе Локка, а использовать аппарат политической теории Карла Шмитта²⁴. В таком случае речь идет о *диктатуре*, причем до конца не ясно, является ли она все еще комиссарской или уже суверенной (на мой взгляд, есть ряд оснований для того, чтобы считать ее *все еще* комиссарской диктатурой, т. е. диктатурой, цель которой состоит в создании *условий для того, чтобы конституция начала действовать*). И хотя для установления *комиссарской* диктатуры существовали, видимо, веские причины, в последнее время эта структура все больше переходит в режим собственного воспроизводства и укрепления, причем по отношению к ее системным характеристикам персональный состав играет вторичную роль²⁵. Некоторое «неудобство» заключается, однако, в том, что в политико-правовом отношении эта структура должна легитимировать себя посредством закрепленных Конституцией демократических электоральных процедур. И хотя в настоящее время сделано все возможное, чтобы этот процесс происходил максимально контролируемым образом (требование «массовости» партий, 7%-й барьер прохождения, отмена всех возможностей протестного голосования путем отмены нормы явки и графы «против всех»), нарастающая индифферентность граждан к важному политическому ритуалу выборов не может не вызывать у политических «операторов» самого серьезного беспокойства. Прошедшие в 14 регионах страны выборы наглядно обнажили весь драматизм возникающей здесь проблемы²⁶.

²⁴ См. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2006.

²⁵ Истерика по поводу «третьего срока» объясняется тем, что за прошедшие годы система, включая ее управляемый партийный аппарат, фактически была отстроена, исходя из авторитета «первого лица». Но в этом проявляется не персональная, а функциональная роль В. Путина.

²⁶ Ср.: Афанасьев М. // В России по-прежнему нет сложившейся партийной системы. 2007. № 11–12 (154–155). [<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=6793&issue=190>].

Само по себе показательно, что наиболее закрытой (и сомнительной) стала информация о явке избирателей. Но даже официальные цифры не могут не обескураживать: согласно усредненным показателям общая явка составила 39 %, из которых 45 % проголосовало за Единую Россию, т. е. 18 % от общего числа избирателей. Вывод прост — происходит политическая делегитимизация сложившейся «управляемой демократии», что критическим образом ставит под вопрос запас прочности сложившейся системы. Именно эта проблема объясняет, в том числе, расцвет разного рода проектов, одним из ключевых терминов которых является эвфемизм «мобилизация» (М. Ремизов определяет национализм как «стратегию мобилизации этничности, ее ресурсов, для построения современного общества»). Это не только националистические, но и, например, возрастные (молодежные) движения. Но национализм является все же основным ресурсом, который, во-первых, используется для перегруппировок в пределах контролируемой партийной системы (например, проект «Родины»), во-вторых, позволяет привлекать электорат особого рода, который в рамках складывающейся партийной системы способен наращивать «электоральную массу», не создавая при этом особых политических проблем. Фактически речь идет об особой *аполитичной* версии национализма (если не путать эстетику и политику), которая легко поддается *политтехнологизации*. Ведь если исключить из политического поля содержательные аспекты политики как таковой (а это и есть наша ситуация), то именно «национальная мобилизация» может служить для того, чтобы сказать «да» фактически сложившейся властной системе (национализм как «супериодология» в терминологии С. Сергеева²⁷). Здесь возникает довольно любопытный эффект, который можно объяснить как следствие «холистской» трактовки национализма. Национализм может формулироваться как некий риторически и эстетически энергичный дискурс, создавая иллюзию того, что это политическая программа. Но фактически он может представлять собой псевдо-политическую позицию, которая выступает «за все хорошее» и «против всего плохого» для нации. В такой форме он образует своеобразную взаимодополнительную симфонию с пресловутой концепцией «суверенной демократии»²⁸ — она за «свободу», «процветание» и т. д. (все в шоколаде), но непонятно только одно: какое конкретное социальное и политическое содержание имеет эта «свобода», «демократия» и т. д., а главное — какими именно средствами все это хорошее будет реализовываться. В этом своем качестве национализм

²⁷ Происходит это именно потому, что, выражаясь словами С. Сергеева, национализм способен «вместить в себя любой социально-политический проект, лишь бы он способствовал силе и процветанию нации». При этом, правда, забывается, что в пределах самой нации существуют *разные* точки зрения на то, в чем именно состоит «сила и процветание» нации, а это, собственно, и есть вопрос политический.

²⁸ Декларируемый ей антинационализм, кстати, вполне естественно следует из ее латентного антидемократизма.

является всего лишь «подтанцовкой», которая создает видимость политики при полном отсутствии таковой. Наугад привожу слова одного из записных националистов: «В сфере идеологии никаких живых альтернативных позиций, кроме разных версий русского национализма сегодня уже нет»²⁹. Таким образом, очевидная деградация политической жизни в современной России оказывается прямо-таки апофеозом «русского национализма», что, собственно, подтверждает все вышесказанное. Приведенное суждение, разумеется, является неверным, но оно показательно как пример того, каким образом «политический» (якобы) национализм конформистски вписывает себя в деполитизированную конструкцию власти современной России.

2.7. Структура российской власти может объяснить мотивы актуализации националистического дискурса в той мере, в какой «распространение категории нации и феномена национализма способствует не сила национального государства, а разрыв между народом и государством»³⁰. В этом своем качестве он улавливает размытое социальное настроение, и в этом можно было бы допустить правоту его политической прагматики. Но в наблюдаемых формах он вводит в заблуждение указанное настроение, поскольку подразумевает нечто обратное. Имея дело с прерогативным режимом функционирования власти (или с комиссарской диктатурой), националисты выступают не как блюстители демократической идеи нации, а как катализаторы, подталкивающие систему к переходу в режим суверенной диктатуры. Очевидно, что для ответа на вопрос о «приоритетных интересах русского этноса», о которых пишет М. Ремизов, необходим политический процесс как условие возможности для обсуждения вопроса о том, каково конкретное содержание этих интересов. Однако наблюдаемые производители националистической активности, насколько я могу судить, исходят из того, что они *это уже знают*, но лишь не имеют доступа к властным рычагам реализации этих интересов. Вопрос, таким образом, переводится из плоскости демократизации политического процесса в плоскость доступа власти при сохранении и даже ужесточении диктатуры (идея новой конституции — объективный политический признак перехода диктатуры в суверенный режим)³¹. К сожалению, этот эффект

²⁹ Холмогоров Е. Вкус к Родине [<http://specnaz.ru/article/?1046>].

³⁰ Крэйг Калхун со ссылкой на Дюркгейма: Калхун К. Национализм / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. С. 160.

³¹ Обратная сторона этой самоуверенности, однако, в актуальных российских условиях обнаруживается очень быстро. Даже в своей узкой и нынешней маргинализованной среде националисты не способны прийти к согласию *ни по одному из вопросов содержательного политического характера*. Получив, казалось бы, внешние условия для самообилизации в форме «Русского марша», националисты не смогли достичь даже той элементарной формы практически-активистской консолидации, которая доступна даже футбольным болельщикам. Это не случайно: можно

может возникать даже в русле вполне невинных и, казалось бы, демократических по духу рассуждениях (тем самым я лишний раз нахожу подтверждение тому, что этим инструментом лучше не пользоваться). Нижеследующий пример возвращает нас к § 1.1.

- 2.7.1. Несмотря на утверждение Б. Капустина: «теоретически продуктивным я вижу обсуждение вопроса о том, как трансформировать русских в демократически обустроенную нацию», — выбранная им аргументация имеет, на мой взгляд, антидемократические импликации (в контексте нынешней российской ситуации). Свой исторический экскурс он резюмирует следующим образом: «на *практике* “народ” как общий политический принцип Современности выступал прежде всего в виде нации, т. е. в виде особенного». Если я правильно понимаю, речь, по сути, идет о том, что из «массы», «мультитуды» или, иначе говоря, «народа» выделяется группа, репрезентирующая «общее благо» и называемая здесь «нацией». Сравним содержание этого тезиса с известным рассуждением Виталия Найшуля о проблеме «перевода» американской конституции и ее неправильном калькировании в российском основном законе: Она <американская конституция — В. К.> начинается словами: «We, the people of the United States...», что обычно переводится на русский язык как: «Мы, народ Соединенных Штатов...». Читаем и недоумеваем: как при тогдашних средствах коммуникации мог народ, разбросанный по отдаленным фермам на огромной территории, собраться и учредить столь совершенное управление? А на самом деле в тексте конституции употреблено слово «people», точным эквивалентом которого в русском является вовсе не «народ», а «люди»! Сравните оттенки смысла, на которые указывает Даль: «народ» — люди вообще; обыватели государства; чернь, простолюдье; низшие податные сословия. А вот как в его словаре трактуется слово «люди» — народ; общество; мир — в том именно смысле, в каком последний в этом синонимическом ряду вариант употребил Толстой в названии своего романа. В современном языке оно употребляется, например, в выражении «что люди скажут», то есть понятно, что не все люди, а те, чье мнение важно. Таким образом, начало текста уже нашей Конституции должно звучать так: «Мы, русские люди, учредили» и так далее. При этом понятно, что в процессе участвовали не все, а только самые ответственные, авторитетные люди, выражающие взгляды нации. Элита,

сколько угодно *переживать* свою национальную идентичность или находить ей подтверждение в эмоциональном отклике на тавтологические националистические формулы, но когда дело доходит до политической повестки дня, проблема переводится в совершенно иную плоскость. Интимное переживание нахождения внутри национальной идентичности здесь перестает играть всякую роль: это условие, а не результат. Поэтому возникает множество разных национализмов, находящихся в перманентном процессе все убыстряющегося полураспада.

если угодно. А на советский канцелярит было бы правильнее перевести начало американской конституции так: «Мы, номенклатура Соединенных Штатов...»³². Если теперь перевести приведенное суждение Б. Капустина на язык В. Найшуля, то мы получим следующий тезис: «на практике “народ” как общий политический принцип Современности выступал прежде всего в виде *людей*, т. е. в виде особенного». Не знаю, входило ли в намерение Б. Капустина лишний раз подтвердить правоту именно такой политической трактовки национализма, или же это непреднамеренный эффект выбранного примера. Однако определенно можно сказать, что в контексте сегодняшней российской политической жизни эта позиция также работает на воспроизводство системы власти, описанной выше. Ее можно обозначить как *клубную форму приватизации* национального, поскольку речь идет, по сути, о том, что из среды «народа» (или, пользуясь приведенной цитатой из В. Найшуля «людей вообще; обывателей государства; черни, простолюдыя; низшего податного сословия») выделяется особая группа — «нация» (или «люди»), способные нести бремя господства. Эта группа, таким образом, и есть то «особенное», в котором, в таком случае, и выражается «общее». Но если придать этому практический политический смысл, то речь идет все же об обратном, а именно — об «особенном», которое представляет себя в форме «общего». Вопрос о том, насколько хорош или плох такой подход к политике, оставим здесь в стороне. Достаточно заметить, что эта форма приватизации национального не особенно нуждается в том, чтобы аргументировать в ее пользу. Хотя бы потому, что, 1) именно такая схема политического управления существовала в период президентства Б. Ельцина, 2) она сохранилась и укрепилась в период президентства В. Путина. Иными словами, за такую «особую» конструкцию национальной власти агитировать уже поздно, она и без того состоялась. В рамках этой конструкции изменяются лишь конкретные группы «людей», тогда как сам принцип остается неизменным. Эта конструкция, устраивающая в первую очередь «людей», находящихся у власти, тем не менее поддерживается и теми, кто выступает их оппонентами. Она в разных формах и на все лады прослеживается у интеллектуальной обслуги власти, чему можно привести великое множество примеров. Но, парадоксальным образом, также и у ее оппонентов.

³² Этот аргумент приводится В. Найшулем в самых разных вариантах. В данном случае см: [<http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=1647>].